

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Д. Е. БогдановМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Донбасский государственный университет юстиции

г. Донецк, Российская Федерация

Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra

Резюме. В статье рассматриваются вопросы конкуренции договорного и деликтного иска в российском и зарубежном праве, а также договорно-деликтной конкуренции лиц. Проблема конкуренции договорной и внедоговорной ответственности имеет искусственный характер для российской научной и судебной доктрины. Конкуренция исков связана с альтернативностью в требованиях, но не с альтернативностью должников. Сделан вывод, что современная научная и судебная доктрина, основанная на полифункциональной трактовке гражданско-правовой ответственности, способны обосновать и оправдать не только феномен компенсационной деликтно-договорной конкуренции лиц, но и возможность обхода установленной законом ограниченной ответственности (*contra legem*), если это будет отвечать целям справедливой ответственности: сдерживанию вредоносного поведения и стимулированию потенциальных деликвентов к надлежащему исполнению ими обязанностей по обеспечению безопасности своей деятельности. Российская правоприменительная практика свидетельствует об усилении тенденции к социализации гражданско-правовой ответственности, ее направленности на предупреждение причинения вреда неопределенному кругу лиц, социального вреда (вреда обществу).

Ключевые слова: договор; деликт; конкуренция; внедоговорная ответственность; конкуренция исков; социализация; ограниченная ответственность; превенция; справедливость

Для цитирования: Богданов Д. Е. Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 74–91. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Contract and Tort Choice of Cause of Action by Persons from the Standpoint of Justice: Pro et Contra

Dmitriy E. Bogdanov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Donbass State University of Justice

Donetsk, Russian Federation

Abstract. The paper deals with the issues of choice of cause of action as to contract and tort in Russian and foreign law, as well as contract and tort competition between persons. The problem of choice between contractual and non-contractual liability has an artificial character for Russian scientific and judicial doctrine. The choice of cause of action relates to the alternative in claims, but not to the alternative as to debtors. It is concluded that modern scientific and judicial doctrine based on a multifunctional interpretation of civil liability can substantiate and justify not only the phenomenon of compensatory aspect of choice of cause of action by persons, but also the possibility of circumventing the limited liability established by law (*contra legem*) if it meets the goals of fair liability. These include deterrence of harmful behavior and stimulation of potential to ensure the proper performance of their duties to ensure the safety of their activities. Russian law enforcement practice indicates an increasing trend towards the socialization of civil liability, its focus on preventing harm to an indefinite circle of people, social harm (harm to society).

© Богданов Д. Е., 2024

Keywords: contract; tort; competition; non-contractual liability; choice of cause of action; socialization; limited liability; prevention; justice

Cite as: Bogdanov DE. Contract and Tort Choice of Cause of Action by Persons from the Standpoint of Justice: *Pro et Contra. Lex russica*. 2024;77(11):74-91. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Введение

Конкуренция договорного и деликтного иска является традиционной проблемой в цивилистической доктрине. Например, в одном из учебников по гражданскому праву содержится тезис, что «потребитель может предъявить требование о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, как к продавцу, так и к изготовителю товара. Таким образом, закон допускает конкуренцию договорного и деликтного исков, оставляя право выбора за потребителем»¹. Впоследствии данный тезис был практически дословно воспроизведен в одном из определений Верховного Суда РФ², после чего стал транслироваться в акты нижестоящих судов³.

Однако буквальное толкование правил ст. 1095–1096 ГК РФ и ст. 14 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» указывает на отсутствие феномена конкуренции исков применительно к данному специальному деликту. Независимо от предъявления иска к продавцу товара или его изготовителю, ответственность указанных лиц будет иметь внедоговорную, деликтную природу. Правила ГК РФ предоставляют возможность потерпевшему по своему выбору взыскать причиненный вред с продавца или с изготовителя товара. Законодатель предусмотрел альтернативность в выборе должника (ответчика), но не конкуренцию договорных и деликтных исков. Аналогичной является деликтная ответ-

ственность перевозчика в случае причинения вреда пассажиру (ст. 800 ГК РФ). На отсутствие конкуренции договора и деликта указывается и в литературе⁴.

Таким образом, речь идет об установлении внедоговорного «единого режима ответственности», несмотря на заключение потерпевшим договора с одним из деликвентов. По мнению Г. Гилмора, происходит перекрывание деликтными конструкциями сферы договорных отношений⁵. Установление такого режима ответственности обусловлено необходимостью защиты интересов конечных потребителей, независимо от того, состояли ли они в договорных отношениях с изготовителями или продавцами товаров.

Как отмечает Р. де Грааф, основным вопросом в дискуссии по проблеме соотношения договора и деликта является возможность стороны по договору заявить деликтное требование о возмещении к другой стороне договора⁶. Таким образом, конкуренция исков связана с альтернативностью в требованиях, но не с альтернативностью должников. Правила ст. 1095–1096 ГК РФ и ст. 14 Закона о защите прав потребителей такой альтернативности в природе требований не устанавливают.

Отдельные авторы утверждают, что проблема конкуренции договорной и внедоговорной ответственности имеет искусственный характер, поскольку советское и российское законодательство, судебная практика и теория всегда четко разграничивали договорную и внедого-

¹ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 2 : Обязательственное право.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.09.2015 № 66-КГ15-10.

³ См., например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 88-3905/2020 ; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2020 по делу № 88-814/2020 ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 по делу № 88-2615/2021, 2-11/2020.

⁴ Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013.

⁵ Gilmore G. The Death of Contract. Second edition. Ohio : Ohio State University Press, 1995. P. 87–88.

⁶ De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective // European Review of Private Law. 2017. Vol. 4-2017. P. 701–726 ; Von Bar C., Drobniг U. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe. Munchen : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2004. P. 189.

ворную ответственность, считали невозможной конкуренцию договорного и деликтного исков⁷. Так, можно указать на негативную в отношении конкуренции исков позицию Е. А. Флейшиц⁸. Аргументы в отношении недопустимости конкуренции исков приводятся в трудах многих современных российских ученых⁹.

Соотношение договора и деликта в зарубежной научной и судебной доктрине

Если вопрос о допустимости конкуренции исков кратко рассмотреть с позиций компаративной перспективы, можно выделить правовые системы как негативно относящиеся к феномену конкуренции исков (например, Франция), так и допускающие данный феномен (например, Англия, Германия, Нидерланды).

Во Франции сформировалась судебная доктрина о недопустимости кумуляции договорной и деликтной ответственности. Правило о некумулятивности в отношении договорной и деликтной ответственности означает, что если вред возник в сфере договорных отношений, то правила о деликтах не подлежат применению¹⁰. В литературе отмечается, что данное правило стало господствовать в науке и судебной практике после 1920 г.¹¹

Следует отметить, что в практике Кассационного суда Франции были сформулированы исключения из общего правила о «некумулятивности» договорных и деликтных требований¹². Так, суд применял правила о деликтах к договорным отношениям, если они были связаны с мошенническими действиями на стороне контрагента, транспортными происшествиями, строительными дефектами и др.¹³ Впоследствии во французском ГК был установлен режим «единой ответственности» (ст. 1386-1) в связи с принятием в 1985 г. соответствующей Директивы ЕС¹⁴, содержащей правила, аналогичные правилам ст. 1095–1096 ГК РФ.

Для сравнения: в германской доктрине договор и деликт рассматриваются как две самостоятельные сферы правового регулирования. Само по себе нарушение договора не квалифицируется в качестве деликта. Однако потерпевший при наличии необходимых условий вправе заявить деликтное требование за нарушения договора¹⁵.

В научной литературе отмечается, что допустимость конкуренции исков в германском праве обусловлена в том числе отсутствием в ГГУ правила генерального деликта¹⁶. Еще одной причиной конкуренции исков является дифференциация правил о договорной и деликтной ответственности в германском законодательстве.

⁷ Остроумов Н. Н. Правовой режим международных воздушных перевозок : монография. М. : Статут, 2015.

⁸ Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951. С. 203–206.

⁹ См.: Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30 ; Байбак В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // Закон. 2016. № 8. С. 121–130 ; Летута Т. В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 39–45.

¹⁰ Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // Journal of Civil Law Studies. 2013. Vol. 6. P. 765.

¹¹ Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // Oxford Journal of Legal Studies 1995. Vol. 15. P. 336.

¹² Von Bar C., Drobnič U. Op. cit. P. 40–41.

¹³ De Graaff R. Op. cit.

¹⁴ Council Dir. 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products.

¹⁵ De Graaff R. Op. cit.

¹⁶ Markesinis B. S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. 4th ed. Oxford, 2002. P. 52. Анализ различий между германским и французским подходами к деликтной ответственности см. также: Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms // Personality rights in European Tort Law / ed. by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 5–37.

Как отмечает в этой связи Р. де Грааф, имеются аргументы *pro et contra* в отношении и допустимости, и недопустимости конкуренции договорных и деликтных исков. Недопустимость конкуренции исков связана с приоритетностью договора, уважением принципа свободы договора и воли законодателя. Стороны не должны иметь возможность обходить условия заключенного ими договора посредством заявления соответствующего деликтного иска. Сторонники конкуренции подчеркивают, что деликтное право должно обеспечивать определенный уровень защиты всем лицам, независимо от их участия в договорных отношениях. Одновременно автор указывает на некоторую конвергенцию, сближение в подходах разных правовых систем в отношении конкуренции договорных и деликтных исков (гармонизация правил о договорной и деликтной ответственности). Например, в Германии и Нидерландах произошла законодательная унификация по вопросам определения размера убытков (вреда) и сроков исковой давности. Во Франции конвергенция выразилась в появлении унифицированных режимов ответственности и исключений из общего правила о некумуляции исков, гармонизации в судебной практике правил в отношении установления причинности и др.¹⁷

В этой связи представляет интерес последняя судебная практика по вопросам соотношения договора и деликта в странах общего права, поскольку они относятся к юрисдикциям, традиционно допускающим конкуренцию договорного и деликтного иска.

Заслуживает внимания допустимость возмещения «чистых экономических потерь» (*pure*

economic loss), поскольку она связана с определением границ между сферами договорной и деликтной ответственности. В литературе данный вопрос рассматривается в аспекте допустимости вторжения деликта в сферу договора¹⁸. Чистые экономические потери рассматриваются в научной литературе в качестве потерь, возникающих вне связи с причинением вреда личности или собственности (т.е. вне связи с «физическим» вредом)¹⁹.

Такие потери могут возникать при посягательстве на относительные права (права стороны по договору). Применительно к вопросу возмещения чистых экономических потерь в ситуации посягательства на относительные права интересно английское дело *Multiplex*²⁰, по которому истец (генподрядчик) заключил договор субподряда с ответчиком-1 (субподрядчиком), который привлек к выполнению части проектных работ ответчика-2 (дубль-субподрядчика). Ответчик-1 также поручил компании *RNP Associates Ltd* провести независимую проверку проектной документации. Обязательность такой проверки была обусловлена как обязательными требованиями, так и условиями договора, заключенного между истцом и ответчиком-1.

После того, как в отношении ответчика-1 было введено внешнее управление, истцом к выполнению работ был привлечен другой субподрядчик, который обнаружил дефекты в проектной документации, бывшей предметом независимой проверки со стороны *RNP Associates Ltd*. Строительные работы были возобновлены только после устранения дефектов в проектной документации. На этом основании истец

¹⁷ *De Graaff R.* Op. cit.

¹⁸ *Bussani M., Palmer V. V.* The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). URL: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

¹⁹ Как отмечается в литературе, существует общепринятая отправная точка — чистые экономические потери всегда контрастируют с вредом, причиненным жизни или здоровью потерпевшего или его материальным объектам (физический вред). Например, согласно § 2 Tort Law Act (Швеция) под чистыми экономическими потерями понимается экономический ущерб, возникающий без связи с вредом, причиненным личности или собственности. См.: *Van Boom W. H.* Pure Economic Loss — a Comparative Perspective // *Pure Economic Loss* / W. H. van Boom, H. Koziol, C. A. Witting, eds. Wien ; New York : Springer, 2004. URL: <https://ssrn.com/abstract=555809>.

Даже в случае причинения физического вреда он причиняется не потерпевшему, понесшему только чистые экономические потери (например, рикошетные потери), а иному (третьему) лицу. Таким образом, обозначение «чистые» (т.е. не связанные с физическим вредом) играет здесь основную роль в определении сущности и характера понесенных потерпевшим потерь. См.: *Bussani M., Palmer V. V.* Op. cit.

²⁰ *Multiplex Construction Europe Limited v (1) Bathgate Realisations Civil Engineering Limited (formerly known as Dunne Building and Civil Engineering Limited) (In administration) (2) BRM Construction LLC (3) Argo Global Syndicate 1200* [2021] EWHC 590 (TCC).

потребовал возмещения убытков (расходы на устранение недостатков в работе, простой в выполнении работ и др.). Истец не состоял в договорных отношениях с RNP Associates Ltd. Истец считал, что по отношению к нему у RNP Associates Ltd возникла деликтная обязанность «по заботе» (duty of care) в связи с проведением независимой проверки проектной документации и добровольным принятием на себя ответственности (assumption of responsibility)²¹.

Требования истца о взыскании чистых экономических потерь, причиненных лицом, не состоявшим с ним в договорных отношениях, были обусловлены тем, что ответственность RNP Associates Ltd была застрахована страховой компанией (ответчиком-3). Это был единственный способ для истца получить компенсацию, поскольку его контрагент по договору (ответчик-1) был неплатежеспособен²².

Основным прецедентом в отношении установления обязанности по заботе в силу принятия на себя ответственности является решение по делу *Henderson v. Merrett Syndicates*²³. В нем была сформулирована правовая позиция о том, что принятие на себя ответственности лицом, предоставляющим профессиональные услуги, соединенное с доверием другого лица, которому была оказана услуга, дает основание для возникновения деликтной обязанности по заботе независимо от наличия договорных отношений между сторонами. Суд установил наличие деликтной обязанности у субагента по отношению к истцу несмотря на то, что последний состоял только в договорных отношениях с агентом.

Однако в спорах, вытекающих из договоров строительного подряда, английские суды отказывают заказчикам в деликтных исках к субподрядчикам, поскольку заказчики имеют возможность привлечь к договорной ответственности генерального подрядчика. Вывод об отсутствии деликтных обязанностей субподрядчиков по отношению к заказчикам обосновывается избранной сторонами структурой договорных связей²⁴. В этой связи в научной литературе указывается на то, что в прецедентной практике

нет четкого обоснования того, почему договор строительного подряда отличается от структуры договорных связей в решении по делу *Henderson v. Merrett Syndicates*²⁵.

В споре *Multiplex* суд посчитал, что имеет место сформированная структура договорных отношений (договор субподряда между истцом и ответчиком-1, а также договор между ответчиком-1 и RNP Associates Ltd). Истец не состоял в договорных отношениях с RNP Associates Ltd.

Суд указал, что в прецедентной практике отсутствует общепризнанный подход, позволяющий установить наличие у деликтанта общей обязанности по проявлению заботы в случае возникновения чистых экономических потерь. Поэтому для установления такой обязанности необходим подробный анализ обстоятельств конкретного дела с учетом специфики отношений сторон.

В результате суд пришел к выводу, что у RNP Associates Ltd отсутствовала обязанность по заботе (duty of care) в отношении истца. Структура договорных отношений не предусматривала прямой договорной ответственности RNP Associates Ltd перед истцом. Суд посчитал, что было бы несправедливо и неразумно возлагать на RNP Associates Ltd обязанность проявлять заботу в отношении истца. Именно ответчик-1 несет перед истцом полную ответственность по договору субподряда.

Таким образом, трудности в привлечении контрагента к ответственности за нарушение договора, например при его неплатежеспособности, не рассматривались английским судом в качестве основания для возложения деликтной ответственности на третье лицо.

В комментариях отмечается, что это решение подтверждает устоявшуюся позицию, согласно которой при намеренном вступлении сторон в сложную структуру договорных отношений (цепочку договоров) суды неохотно накладывают дополнительные обременительные обязанности на участников такой цепочки²⁶.

В этой связи представляет интерес решение по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical*

²¹ Один из трех тестов по установлению обязанности по заботе (duty of care).

²² URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fb10de86-b23e-4cbe-b9da-db36e520e3ec>.

²³ [1994] UKHL 5 ; [1995] 2 AC 145.

²⁴ *Barclays Bank plc v. Fairclough Building Ltd* (№ 2) (1995) BLR 1.

²⁵ *Jones M. A. Textbook on Torts. Eight Edition. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 3.*

²⁶ *Mullender S. The TCC considers whether an independent design checker owed a duty of care to the main contractor in a construction project* // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fb10de86-b23e-4cbe-b9da-db36e520e3ec>.

Contractors, Inc. (США)²⁷. В нем суд указал, что доктрина чистых экономических потерь исключает возможность предъявления субподрядчиками друг другу требований из небрежности (*negligence claims*), если они не состоят в прямых договорных отношениях. Наличие косвенной горизонтальной связи между субподрядчиками в связи с тем, что они были контрагентами по отдельным договорам субподряда с генеральным подрядчиком, не было квалифицировано в качестве основания для возникновения деликтных обязанностей.

Апелляционным судом была использована правовая позиция Верховного суда Висконсина по делу *Linden v. Cascade Stone Co*²⁸. По данному делу истец (домовладелец) не состоял в прямых договорных отношениях с субподрядчиком (ответчиком), но имелась вертикальная связь (*vertical privity*) через соответствующие договоры с генподрядчиком. Суд отказал в иске из небрежности (*negligence*), применив доктрину о недопустимости возмещения чистых экономических потерь и указав, что удовлетворение такого иска привело бы к размыванию различий между деликтным и договорным правом.

В решении по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical Contractors, Inc.* между сторонами спора была не «вертикальная», а «горизонтальная» связь, но этому обстоятельству не было придано существенного значения, поскольку имелась определенная структура договорных связей, состоящая из нескольких договоров. Каждый из субподрядчиков имел возможность в соответствующем договоре определить договорные риски, обязанности и средства правовой защиты. Был отклонен довод истца о том, что он и ответчик по отношению друг к другу были «чужаками» (*contractual strangers*).

В комментарии к решению по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical Contractors, Inc.* отмечается, что в договорах, заключаемых с генеральным подрядчиком, необходимо предусматривать условия о распределении договорных рисков. Например, риски возникновения чистых экономических потерь при просрочке в выполнении работ²⁹.

Таким образом, англосаксонские суды продолжают транслировать доктрину о недопустимости возмещения чистых экономических потерь в ситуациях, когда такие потери кредитор мог компенсировать путем заявления требования о взыскании убытков с непосредственного контрагента по договору или когда риск таких потерь мог быть перераспределен посредством оговорки о возмещении потерь (*indemnity*).

Представляет интерес австралийское решение по делу *Mallonland Pty Ltd v. Advanta Seeds Pty Ltd*³⁰. Дело было связано с коллективным деликтным иском о возмещении чистых экономических потерь к компании Advanta (ответчику), специализирующейся на производстве семян и селекционных разработках. Ранее истцы приобрели у дистрибьютора семена сорго, произведенные ответчиком. Истцы утверждали, что семена сорго были загрязнены семенами другого растения по небрежности ответчика, что стало причиной увеличения сельскохозяйственных расходов и снижения урожайности.

Суд согласился с доводами ответчика о том, что условия продажи, размещенные им на мешках с семенами, можно рассматривать как его отказ от принятия на себя ответственности. Ответчик не был обязан проявить разумную заботу (*reasonable care*) в отношении истцов в целях предупреждения причинения им чистых экономических потерь. На этом основании суд отказал в удовлетворении деликтного иска к ответчику.

В комментарии к данному решению отмечается, что суды традиционно избегают возложения на ответчиков обязанности по предотвращению чисто экономических потерь, опасаясь риска возникновения неопределенной, безграничной ответственности (*indeterminate liability*). Принятие на себя ответственности (*assumption of responsibility*) является ключевым признаком в определении наличия деликтной обязанности проявить осторожность и заботу в целях недопущения экономических потерь. Такая обязанность может быть устранена прямым отказом от ответственности, как в данном деле³¹.

²⁷ 2018AP2380 (Wis. Ct. App. 2020).

²⁸ 2005 WI 113, 283 Wis. 2d 606, 699 N.W.2d 189.

²⁹ *Zenk L. N., Muth D. P. Subcontractor Tort Claims Barred Under the Economic Loss Doctrine* <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9a790f04-69cc-4714-b618-aa77bd364d3d>.

³⁰ [2021] QSC 74.

³¹ *Bouvier S., Casey R., Costello E., Lawrence E., Lewis H., Stevenson P. Further seeds of doubt in relation to duty of care for pure economic loss* <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=94a4e6ad-c98f-4e8e-8168-dd97ee70a8bd>.

Можно констатировать, что австралийский суд, по сути, следовал позиции о недопустимости размывания границ между деликтным и договорным правом. Суд прямо указал на то, что истцы имели возможность взыскать убытки непосредственно с контрагента по договору (дистрибьютора), который впоследствии мог бы обратиться с требованием к компании Advanta³².

В прецедентной практике Канады имеются примеры успешного взыскания чистых экономических потерь, однако наиболее распространен подход, основанный на дифференциации субъективных прав применительно к определению защитного диапазона деликтной ответственности. Согласно данному подходу посредством деликтозного иска может быть возмещен вред, причиненный «реальным» правам, например вред личности или собственности, но не посягательство на чисто экономические интересы. Ограничительный подход в отношении определения защитного диапазона деликтной ответственности находит активную поддержку и в научной литературе³³.

Положительным примером расширения пределов деликтной ответственности является правовая позиция Верховного суда Канады по делу *Deloitte & Touche v. Livent Inc*³⁴. Суд определил пять ситуаций, когда допускается взыскание чистых экономических потерь: ответственность за вред, причиненный органами государственной власти; небрежное введение в заблуждение; небрежное оказание услуги; небрежная продажа некачественных товаров; относительные (рикошетные) экономические потери.

Таким образом, в Канаде чистые экономические потери могут быть взысканы только в случаях, подпадающих под указанную классификацию, поскольку, по мнению суда, отсутствует общее, генеральное правило о принципиальной допустимости возмещения любых чистых экономических потерь.

Это можно проиллюстрировать позицией Верховного суда Канады по делу *Ontario Inc. v. Maple Leaf Foods, Inc.*³⁵ Компания Maple Leaf

(ответчик) отозвала изготовленные ею мясные продукты по причине их бактериального заражения (листерия). Данное обстоятельство затронуло имущественные интересы группы франчайзи (истцы), входящих в сеть ресторанов быстрого питания Mr. Sub, поскольку между франчайзером и ответчиком был заключен эксклюзивный договор, согласно которому ответчик имел эксклюзивное право на поставку мясных продуктов для всей сети ресторанов быстрого питания Mr. Sub. Истцы не состояли с ответчиком в прямых договорных отношениях, однако обязанности использовать только мясные продукты ответчика были предусмотрены непосредственно в договорах франчайзинга. Истцы обратились к ответчику с деликтозными требованиями о возмещении небрежно (*negligence*) причиненных чистых экономических потерь, связанных со снижением их прибыли, а также стоимости франшизы и репутации и т.д. В удовлетворении требований было отказано, поскольку у ответчика отсутствовала обязанность по заботе в отношении истцов. Данная обязанность была бы у ответчика только в отношении защиты здоровья потребителей, но не чистых экономических интересов истцов. Судом была дана оценка структуре договорных связей. По мнению суда, имелась возможность предусмотреть в договорах условия о распределении бремени рисков, связанных с возникновением чистых экономических потерь при таких обстоятельствах. Суд отказался корректировать порядок распределения договорных рисков путем установления новых деликтозных обязанностей.

Верховный суд Канады, по сути, основывался на тезисе о недопустимости размывания границ между деликтным и договорным правом, отдавая приоритет договору как основному средству распределения рисков возникновения чистых экономических потерь. Как отмечается в комментарии к данному решению, суд не может возлагать обязанность по заботе в ситуации, когда стороны могли бы договориться об использовании средств договорной защиты, но не сделали этого³⁶.

³² URL: <https://www.queenslandjudgments.com.au/caselaw/>.

³³ См.: *Linden A. Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto : LexisNexis, 2018. P. 408.

³⁴ 2017 SCC 63.

³⁵ URL: 1688782 *Ontario Inc. v. Maple Leaf Foods Inc.*, 2020 SCC 35 (CanLII) // URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2020/2020scc35/2020scc35.html?resultIndex=1>.

³⁶ *Fenton D., Agarwal R. K., Beaulne G. G., Cameron K. A Clarified Approach to Pure Economic Loss Claims* // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3a4c6b2d43479-43e1-abfc-24b4dc7859cd>.

Во всех рассмотренных примерах из судебной практики англосаксонских стран отстаивался тезис приоритетности договорной защиты и недопустимости размывания границ между сферами договора и деликта. Было продемонстрировано негативное отношение к «конкуренции лиц». Это подтверждает вывод Р. де Граафа относительно конвергенции в вопросах соотношения договора и деликта в различных правовых системах.

Соотношение договора и деликта в российской научной и судебной доктрине

В российской доктрине имеются специальные исследования, посвященные феномену конкуренции лиц, при которой управомоченное лицо имеет самостоятельные притязания к различным субъектам. Так, М. А. Ерохова считает, что солидарные обязательства являются примером субъективной конкуренции, а не конкуренции исков. При конкуренции исков управомоченное лицо имеет несколько вариантов правовых требований, основанных на тождественных фактах, к одному и тому же ответчику (объективная конкуренция притязаний)³⁷.

До недавнего времени российская судебная доктрина основывалась на принципе приоритетности договора и недопустимости «кумуляции» и «деликтно-договорной» конкуренции лиц. Так, ранее в актах высших судов неоднократно указывалось, что если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности из причинения вреда применению не подлежат³⁸. Например, по одному делу суд указал, что при несохранности (порче, повреждении) переданного на хранение имущества поклажедатель вправе предъявить требование об убытках хранителю на основании

заключенного с ним договора, но не третьим лицам по нормам о деликтной ответственности³⁹.

По другому делу суд указал, что при наличии между сторонами спора по поводу урегулированного законом договорного обязательства по перевозке, правила об ответственности сторон которого также регламентируются специальными нормами закона, обоснование требования заказчика о возмещении возникших у него убытков в связи с утратой груза ссылкой на регресс, обусловленный уплатой за перевозчика долга третьим лицом, с которым заказчик сам состоял в договорных отношениях, исключается. В контракте, заключенном между заказчиком и иностранной компанией, была установлена полная ответственность экспедитора за утрату груза. Однако в силу относительного характера обязательственных отношений контракт не может оказывать влияние на права и обязанности лица, в нем не участвующего (перевозчика), и являться основанием для возложения на него большей ответственности, чем установлена в нормах Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов⁴⁰.

Рассмотренные правовые позиции высших судов могли бы выступать в качестве обоснования существования в российском частном праве судебной доктрины приоритетности договора и недопустимости конкуренции лиц.

Однако анализ современной судебной практики свидетельствует о наличии тенденции, которая может быть охарактеризована тезисом С. Уиттейкера о том, что суды, манипулируя границами договора, могут также манипулировать и границами деликта⁴¹.

В качестве примера манипулирования границами договора и деликта можно указать на одно из определений Верховного Суда РФ⁴², в котором была подвергнута критике позиция нижестоящих судов, считавших, что отсутствуют

³⁷ Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 59.

Автор упоминает позицию Ф. Савиньи, который называет такую конкуренцию корреляльными обязательствами и выносит их в самостоятельный вид обязательств, рассматривая эту проблему в связи с учением о лицах в обязательстве.

³⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982.

³⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41-2321/13.

⁴⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.2014 № 13817/13 по делу № А41-52705/12.

⁴¹ Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // Oxford Journal of Legal Studies 1995. Vol. 15. P. 334.

⁴² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.06.2016 № 301-ЭС15-18581 по делу № А31-8643/2014.

основания для применения к сетевой компании ответственности в виде возмещения убытков в пользу сбытовой компании, поскольку причиной аварии явилось повреждение оборудования в зоне ответственности ФСК (третьего лица). Верховный Суд РФ указал, что в силу ст. 9 и 12 ГК РФ выбор способа защиты права принадлежит истцу. Возможность привлечения ФСК к деликтной ответственности не исключает использования сбытовой компанией (потребителем) иного способа защиты, вытекающего из договора с сетевой компанией. С учетом изложенного вывод нижестоящих судов о применении к спорной ситуации исключительно норм об ответственности из причинения вреда (деликта) ошибочен и привел к неправомерному отказу сбытовой компании в судебной защите. В данном определении Верховный Суд РФ констатировал наличие у сбытовой компании двух самостоятельных притязаний, а именно, договорного — к сетевой компании и деликтного — к компании ФСК. Произошло размывание границ между деликтным и договорным правом, поскольку была сформулирована правовая позиция, что взыскание убытков могло быть канализировано как по цепочке договоров, путем обращения с требованием к контрагенту по договору, так и путем их взыскания с непосредственного причинителя (деликвента).

Последующая кассационная практика, связанная с применением данной правовой позиции, как правило, основывается на положениях ст. 403 ГК РФ об ответственности должника за третьих лиц, которых он привлек к исполнению своих обязанностей. Кассационные суды признают право продавца по договору энергоснабжения (энергосбытовой компании), возместившего убытки, причиненные потребителю поставкой электрической энергии ненадлежащего качества, взыскать понесенные в резуль-

тате этого расходы с лица, с которым у него заключен договор оказания услуг по передаче электрической энергии (сетевой компании)⁴³.

Однако имеется и кассационная практика, следующая в фарватере позиции Верховного Суда РФ относительно возможности предъявления иска о взыскании убытков как к контрагенту по договору, так и к непосредственному причинителю вреда (деликвенту). Кассационные суды начинают констатировать, что судебная практика исходит из того, что лицо, чьи права и законные интересы нарушены, не ограничено в использовании всех доступных ему способов защиты права; оно может предъявлять соответствующие требования к каждому из виновных в причинении ущерба лиц до полного возмещения своих имущественных потерь⁴⁴.

Например, по одному делу кассационный суд указал, что факт возникновения обстоятельств, послуживших причиной нарушения требований к качеству электрической энергии, в смежных объектах электросетевого хозяйства, принадлежащих иным лицам, не исключает использования гарантирующим поставщиком (потребителем по договору) способа защиты, вытекающего из договора с сетевой организацией⁴⁵.

По другому делу суд кассационной инстанции не согласился с позицией нижестоящих судов о том, что требование о возмещении вреда вследствие аварии на электрических сетях может быть предъявлено потребителем только к энергоснабжающей организации в рамках договорных правоотношений, а предполагаемые непосредственные причинители вреда надлежащими ответчиками в таком случае являться не могут. Суд указал, что регламентация законодателем процесса энергоснабжения через заключение различного вида договоров и установление ответственности за их ненад-

⁴³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.12.2019 № Ф01-5649/2019 по делу № А11-13649/2018 ; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.09.2020 № Ф03-3572/2020 по делу № А51-7678/2019 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.02.2021 № Ф06-69605/2020 по делу № А65-20405/2019 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.03.2021 № Ф07-650/2021 по делу № А66-5246/2020 ; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2020 № Ф08-95/2020 по делу № А32-46387/2018 ; определение Верховного Суда РФ от 22.06.2020 № 308-ЭС20-8101 по делу № А32-46387/2018 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.03.2021 № Ф10-5127/2020 по делу № А64-9761/2019.

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.03.2021 № Ф04-6668/2020 по делу № А45-16492/2018.

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.07.2020 № Ф04-2385/2020 по делу № А27-15625/2019.

лежащее исполнение не может ограничивать потребителя по договору энергоснабжения в праве на предъявление иска к лицу, не являющемуся его договорным контрагентом, но из-за ненадлежащего поведения которого возникли убытки. При ином толковании закона потребитель, вступивший в договорные отношения с энергоснабжающей организацией, ответственность которой по закону ограничена возмещением реального ущерба (п. 1 ст. 547 ГК РФ), только в силу самого этого факта лишился бы возможности привлекать к полной ответственности деликвентов, чьими действиями причиняется вред, отражающийся на надлежащем энергоснабжении объектов потребителя.

Была признана допустимость выбора вытекающих из разных оснований, параллельных притязаний о возмещении убытков к разным должникам, направленных на защиту одного интереса потерпевшего, поскольку цель договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда едина — возместить в полном объеме убытки, причиненные в результате аварии.

В результате кассационный суд указал, что с учетом положений действующего законодательства обязательства субъектов электроэнергетики, обеспечивающих поставки электрической энергии потребителям, координируются между собой как солидарные. Истцу принадлежало право выбора имущественной массы определенного лица, за счет которого могут быть восстановлены его права. Реализация же истцом такого выбора именно в пользу удовлетворения притязаний за счет ответчиков, не состоявших с ним в договорных отношениях, путем предъявления деликтного требования сама по себе прав ответчиков не нарушает⁴⁶.

Последний пример интересен тем, что он направлен на придание концептуальной завершенности судебной доктрине конкуренции лиц. Кассационный суд не просто допустил возможность параллельных притязаний о возмещении убытков к разным должникам, но квалифицировал такую деликтно-договорную

конкуренцию лиц в качестве солидарного обязательства (первый тезис). Далее, судом была предпринята попытка телеологически истолковать закон с позиций корректирующей справедливости (*corrective justice*), указав, что цель как договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации, так и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда является единой — полное возмещение убытков, причиненных аварией. Поэтому суд, по сути, допустил возможность обхода легальных ограничений ответственности за нарушение договора посредством подачи деликтного иска (второй тезис).

Позиция суда относительно конструирования пассивного «договорно-деликтного» солидаритета (первый тезис) обусловлена необходимостью защиты интересов потерпевшего (кредитора), что согласуется с традиционными установками в цивилистической доктрине. Так, Л. Жоссеран ранее указывал, что цель пассивного солидаритета заключается именно в защите, обеспечении прав кредитора⁴⁷.

Интересно, что концептуальная завершенность судебной доктрины конкуренции лиц обусловлена соответствующим развитием цивилистической доктрины. В этой связи заслуживает внимания обстоятельное исследование Н. В. Тололаевой, посвященное проблемам пассивного солидаритета. Автор обосновывает широкий подход к пониманию солидаритета, связанный с общим эффектом исполнения. Солидаритет — это множество самостоятельных обязательств, принцип относительности которых нарушается в части эффекта исполнения. Исполнение по одному такому обязательству освобождает по отношению к кредитору должников по другим. Такой подход решает проблему конкуренции нескольких требований кредитора к разным должникам в ситуации, когда они оказались должны удовлетворить один и тот же экономический интерес кредитора в полном объеме⁴⁸.

Широкий подход к определению сущности солидаритета обусловлен соответствующими правилами ГК РФ. Так, согласно абз. 2 п. 1

⁴⁶ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2020 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019.

⁴⁷ *Josserand L. Cours de droit civil positif français. T. 2. Théorie générale des obligations; les principaux contrats du droit civil; les suretés. 2-d ed. Librairie du Recueil Sirey, 1933. P. 413–14.*

⁴⁸ См.: *Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 80–106 ; Она же.*

ст. 308 ГК РФ недействительность требований кредитора к одному из лиц, участвующих в обязательстве на стороне должника, равно как и истечение срока исковой давности по требованию к такому лицу, сами по себе не затрагивают его требований к остальным этим лицам. В силу ст. 324 ГК РФ при солидарной обязанности должник не вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредитором, в которых данный должник не участвует. На основании п. 2 ст. 325 ГК РФ возможен солидаритет без регресса.

На этом основании Н. В. Тололаева указывает, что кредитор может иметь несколько прав требования по поводу одного и того же интереса, однако полное удовлетворение может получить только единожды (нарушение принципа относительности обязательств). Отсутствие общего действия исполнения одним солидарным должником своего обязательства означает отсутствие самой конструкции солидарности. В остальном обязательства каждого из должников принципиально самостоятельны и независимы. По мнению автора, буквальное «широкое» прочтение норм ГК РФ о солидарных обязательствах способно решить проблему координации нескольких требований кредитора к разным должникам по поводу одного и того же интереса⁴⁹.

Широкая трактовка пассивного солидаритета становится доктринальным обоснованием для всё расширяющейся сферы компенсационной конкуренции лиц в современной правоприменительной практике.

В настоящее время заметна тенденция к расширению сферы компенсационной конкуренции лиц в правоприменительной практике. Так, можно указать на споры, связанные с привлечением к ответственности при банкротстве должника. В правоприменительной практике сформулирована правовая позиция, что в слу-

чае полного или частичного удовлетворения требования кредитора лицом, привлеченным к ответственности по различным основаниям, в соответствующей сумме уменьшается размер требования этого кредитора к должнику⁵⁰.

В отношении деликтной конкуренции лиц представляет интерес одно из постановлений Конституционного Суда РФ, в котором была сформулирована правовая позиция о признании за потерпевшим права требовать возмещения имущественного вреда от лиц, совершивших угон принадлежащего ему автомобиля, если в результате таких противоправных действий автомобиль был впоследствии похищен неустановленным лицом. Поскольку в результате действий угонщика собственник лишается контроля над своим имуществом, виновный в угоне *ipso facto* принимает на себя ответственность за последующую судьбу данного имущества⁵¹.

В качестве примера договорно-деликтной конкуренции лиц, которую также можно квалифицировать в качестве пассивного солидаритета, можно указать на дело, по которому истец (лизингодатель) передал лизингополучателю во временное владение и пользование грузовые полувагоны. Впоследствии лизингополучатель продал покупателю-1 грузовые полувагоны «находящиеся в неисправном техническом состоянии», с целью их последующей разделки в металлолом. Далее на основании договора покупатель-1 продал вагоны покупателю-2, после чего они были подвергнуты утилизации.

Истец обратился с деликтным иском (возмещение стоимости вагонов) к покупателю-1 и покупателю-2. Суды признали, что сделка по отчуждению имущества лизингополучателем в пользу покупателя-1 была незаконной, направленной на причинение вреда истцу. Верховный Суд РФ согласился с позицией нижестоящих судов, что покупатель-2 являлся добросовестным приобретателем вагонов на основании

Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020.

⁴⁹ Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах.

⁵⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.07.2016 по делу № 303-ЭС16-1164(1,2), А24-2528/2012 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.03.2021 № Ф04-6668/2020 по делу № А45-16492/2018.

⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева».

сделки, заключенной с покупателем-1, поэтому отсутствовали основания для его привлечения к деликтной ответственности⁵².

Таким образом, данный спор является примером договорно-деликтной конкуренции лиц (пассивный солидаритет), поскольку истец мог обратиться как с договорным иском к лизингополучателю, так и с деликтным требованием к покупателю-1. Действия лизингополучателя следует квалифицировать в качестве нарушения договора. Поведение деликвента (покупатель-1) можно квалифицировать в качестве «интервенции» в договор, содействовавшей (побудившей) контрагента нарушить свои договорные обязательства.

В некоторых иностранных правовых порядках интервенция в договор квалифицируется в качестве специального деликта, например в странах common law (*inducing breach of contract*). В качестве примера можно указать на английское решение по делу *OBG Ltd v. Allan*⁵³, в котором определены условия для возникновения такого деликта. Во-первых, деликвент должен знать, что его действия приведут к нарушению договора. Во-вторых, нарушение договора должно быть или конечной целью деликта, или средством достижения (например, средством получения экономической выгоды). В-третьих, потерпевшему должен быть причинен вред именно нарушением договора. Указанные условия были сформулированы в целях отграничения от деликта, связанного с незаконным вмешательством в договорные отношения (*unlawful interference with contractual relations*)⁵⁴. Необходимо отметить, что данные деликты известны не только англосаксонскому⁵⁵, но и континентальному гражданскому

праву. В частности, данный деликт уже более века известен французской судебной доктрине, которая выводит его из принципа генерального деликта⁵⁶. В специальном исследовании отмечается, что в подходах к ответственности за вмешательство в договорные отношения по праву Нидерландов, Германии, Франции и стран Common Law много общего⁵⁷.

Можно провести параллель с рассмотренным российским делом. Судами было установлено, что покупатель-1 знал, что его действия приведут к нарушению договора лизинга. Нарушение договора стало для деликвента средством получения выгоды и причиной возникновения вреда у потерпевшего. Деликвент знал, что лизингополучатель не мог совершить сделку по отчуждению имущества⁵⁸.

Сформулированные по данному делу правовые позиции не только свидетельствуют о формировании судебной доктрины конкуренции лиц, связанной с широкой трактовкой пассивного солидаритета, но и обосновывают формирование судебной доктрины деликтов, связанных с причинением вреда посредством посягательства на договорные права потерпевших. Конечно, в данном деле было посягательство на абсолютное право, поскольку потерпевшему был причинен физический вред (уничтожены вагоны). Деликты, посягающие на относительные (договорные) права, являются проблемными для цивилистической доктрины, поскольку связаны с причинением не физического вреда, а чистых экономических потерь.

Нами уже давно и последовательно отстаивается тезис о допустимости возмещения чистых экономических потерь в российском праве, поскольку в ГК РФ предусмотрено пра-

⁵² Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2017 № 305-ЭС17-7410 по делу № А40-53880/2016.

⁵³ [2008] 1 A.C. 1 (H.L.) [OBG].

⁵⁴ См. об этом: *MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following A. I. Enterprises v. Bram* (April 19, 2016) // *Annual Review of Civil Litigation* / ed. by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

⁵⁵ *Sérafín S., Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract* (August 6, 2023) // (2024) 3 SCLR (3d) 115. URL: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

⁵⁶ *Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment* (July 18, 2023) // *International Journal of Legal and Social Order*. Vol. 3. No. 1 (2023). URL: <https://ssrn.com/abstract=4523654>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4523654>.

⁵⁷ *Bochove L. M. van Betrokkenheid Van Derden Bij Contractbreuk = Tortious Interference with Contractual Relations*. December 6, 2013. Dissertatie Erasmus Universiteit Rotterdam. Wolf Legal Publishers, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2500811>.

⁵⁸ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2017 № Ф05-163/2017 по делу № А40-53880/2016.

вило о генеральном деликте (п. 1 ст. 1064 ГК)⁵⁹. Указанные потери охватываются формулировкой «вред, причиненный имуществу». В российском праве, как и во Франции и Испании, нет особой необходимости специально выделять такие потери, поскольку они охватываются правилом генерального деликта, предусмотренного в гражданских кодификациях⁶⁰.

Следует проанализировать аргументированность второго тезиса, связанного с попыткой судов телеологически истолковать закон исключительно с позиций корректирующей справедливости (*corrective justice*) в целях преодоления ограничений, установленных законодателем в отношении ответственности за нарушение договора энергоснабжения (обход закона). Так, суды указали, что цель и договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации, и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда едина — возмещение убытков, причиненных аварией, в полном объеме.

Действительно, корректирующая справедливость в современной цивилистической литературе рассматривается с позиций аристотелианской традиции как выражение арифметического равенства⁶¹, например, между размером причиненных кредитором имущественных потерь и суммой убытков, подлежащих взысканию с должника. В отношении деликтного права указывается, что оно «корректирует» несправедливость путем возмещения полной стоимости потерь ответственной стороной⁶².

В российской цивилистической традиции корректирующая справедливость рассматри-

вается с позиций компенсационно-восстановительной функции гражданско-правовой ответственности. В научной литературе отмечается, что указанная функция является «главенствующей», поскольку она призвана обеспечить соразмерность между причиненным вредом и применимыми мерами ответственности. В этом проявляется «возмездно-эквивалентный» характер гражданско-правовой ответственности⁶³.

Однако рассмотрение ответственности исключительно с позиций монофункционального феномена примитивизирует доктрину. Гражданско-правовую ответственность невозможно поместить в прокрустово ложе корректирующей справедливости и исключительно компенсационной направленности, поскольку она является полифункциональным феноменом.

Нами последовательно отстаивается тезис, что ответственность в гражданском праве решает задачи не только компенсации, но и справедливого распределения бремени неблагоприятных последствий (дистрибутивная справедливость), а также воздаяния за совершенные правонарушения (ретрибутивная справедливость). Таким образом, реализуется вся триада частной справедливости в сфере ответственности: корректирующая, дистрибутивная и ретрибутивная. Дистрибутивная и ретрибутивная справедливость являются отражением социальных, публичных интересов в сфере ответственности и потому выступают в качестве основных факторов эволюции гражданско-правовой ответственности⁶⁴.

Можно утверждать, что в России уже формируется судебная доктрина, основанная на поли-

⁵⁹ Богданов Д. Е. Пределы деликтной ответственности в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 69–78 ; Он же. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 82–91.

⁶⁰ См.: *Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern* (February 9, 2016). URL: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

⁶¹ См.: *Gold A. S. A Theory of Redressive Justice* (October 7, 2011). URL: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

⁶² *Goldberg J.C. P. Twentieth Century Tort Theory* // *Vanderbilt University Law Scholl / Law & Economics Working Paper Number 02-15*. P. 73. URL: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

См. также: *Sheinman H. Tort Law and Corrective Justice* // *Law and Philosophy*. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 24–25.

⁶³ См., например: *Гражданское право : учебник : в 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби; Проспект, 2005. Т. 1. С. 647 ; Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 60–67 ; Дмитриева О. В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 12. С. 89–100 ; Дурнева П. Н., Станкевич Г. В. Особенности договорной и деликтной ответственности публично-правовых образований по гражданскому праву России // Юридический мир. 2016. № 10. С. 23–27.*

⁶⁴ См. об этом подробно: *Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости : Сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2016. С. 99–108, 211–232.*

функциональной трактовке гражданско-правовой ответственности⁶⁵, преследующей цели не только компенсации, но и справедливого распределения (дистрибуция) и воздаяния (ретрибуция), а также сдерживания противоправного поведения⁶⁶.

Теоретический постулат о том, что гражданско-правовая ответственность решает задачи не только компенсации, но и справедливого воздаяния за совершенные правонарушения, а также превенции, сдерживания антисоциального поведения, характерен для североамериканских цивилистов. Это обусловлено тем, что в их правоприменительной практике активно применяется институт штрафных убытков⁶⁷. В качестве целей взыскания штрафных убытков указывают в том числе наказание деликтанта за совершенное деяние, которым причиняется социальный вред, вред всему обществу⁶⁸. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что высшие суды ряда европейских стран уже высказали правовую позицию, что задачами гражданско-правовой ответственности является не только предоставление компенсации потерпевшему, но и сдерживание противоправного поведения, а также наказание деликтанта⁶⁹.

Следует отметить, что фактически российскому ГК РФ уже известен феномен некомпенсационных убытков (абз. 2 п. 2 ст. 15)⁷⁰. Ретрибутивную, воздающую природу имеют и другие санкции гражданско-правовой ответственности (например, компенсация морального вреда, компенсация за нарушение исключительного права, штрафная неустойка). Это означает, что

в качестве критериев для определения объема ответственности всё чаще выступает не только размер причиненного вреда, но и степень вины деликтанта, наличие рецидивов в совершении деликтов и т.д., что является проявлением воздающей (ретрибутивной) справедливости в сфере гражданско-правовой ответственности.

Заключение

Таким образом, современное состояние правовой доктрины и формирующаяся судебная доктрина полифункциональной трактовки гражданско-правовой ответственности способны обосновать и оправдать не только феномен компенсационной деликтно-договорной конкуренции лиц, но и возможность обхода установленной законом ограниченной ответственности (*contra legem*), если это будет отвечать целям справедливой ответственности.

Так, в рассмотренном выше примере, связанном с обходом установленного законом ограничения размера ответственности по договору энергоснабжения, судом было установлено, что авария на высоковольтной линии была вызвана ее неудовлетворительным состоянием: в охранной зоне находились деревья выше высоковольтной линии, неизолированные провода проходили между ветками деревьев, о чем был составлен соответствующий акт⁷¹.

При таких обстоятельствах допущение только ограниченной договорной ответственности энергоснабжающей организации перед або-

⁶⁵ См.: Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.

⁶⁶ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края»; п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Верховного Суда РФ от 12.07.2024 № 306-ЭС24-1621.

⁶⁷ См., например: *Markel D.* Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction // *Cornell Law Review*. 2009. Vol. 94. P. 245.

См. также: *Sebok A. J.* Punitive damages: from myth to theory // *Iowa Law Review*. 2007. Vol. 92. P. 957–1036.

⁶⁸ *Colby T. B.* Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs // *Minnesota Law Review*. 2003. Vol. 87. P. 589.

⁶⁹ См.: *Vencharutti A.* The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, AXO Sport, SPA v. NOSA // *Journal of European Tort Law*. 2018. Vol. 9. P. 109.

⁷⁰ См.: Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 2. С. 7–10.

⁷¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019.

нением (п. 1 ст. 547 ГК РФ) с последующим переложением по цепочке договоров реального ущерба на сетевую организацию не соответствовало бы целям справедливой ответственности. Наличие умысла или грубой неосторожности сетевой организации оправдывает как договорно-деликтную конкуренцию лиц, так и возможность взыскания с нее посредством деликтного иска убытков в полном объеме, в обход легального ограничения размера ответственности (п. 1 ст. 547 ГК РФ).

Такой подход к деликтной ответственности способствует сдерживанию вредоносного поведения и стимулированию потенциальных деликтов к надлежащему исполнению ими обязанностей по обеспечению безопасности своей деятельности. Российская правоприменительная практика свидетельствует об усилении тенденции к социализации гражданско-правовой ответственности, ее направленности на предупреждение причинения вреда неопределенному кругу лиц, социального вреда (вреда обществу).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбак В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // Закон. 2016. № 8. С. 121–130.
- Богданов Д. Е. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 82–91.
- Богданов Д. Е. Пределы деликтной ответственности в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 69–78.
- Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости : Сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2016. 304 с.
- Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 2. С. 7–10.
- Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.
- Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30.
- Дмитриева О. В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 12. С. 89–100.
- Дурнева П. Н., Станкевич Г. В. Особенности договорной и деликтной ответственности публично-правовых образований по гражданскому праву России // Юридический мир. 2016. № 10. С. 23–27.
- Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 161 с.
- Летуа Т. В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 39–45.
- Остроумов Н. Н. Правовой режим международных воздушных перевозок : монография. М. : Статут, 2015. 396 с.
- Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2 : Обязательственное право. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. 1208 с.
- Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020. 144 с.
- Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 80–106.
- Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюр-издат, 1951. 239 с.
- Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 60–67.
- Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013. 133 с.
- Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern (February 9, 2016). URL: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms // *Personality rights in European Tort Law* / ed. by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 5–37.

Bussani M., Palmer V. V. The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). URL: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

Colby T. B. Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs // *Minnesota Law Review*. 2003. Vol. 87. P. 583–678.

De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective // *European Review of Private Law*. 2017. Vol. 4. P. 701–726.

Gilmore G. *The Death of Contract*. Second edition. Ohio : Ohio State University Press, 1995. 182 p.

Gold A. S. A Theory of Redressive Justice (October 7, 2011). URL: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

Goldberg J. C. P. Twentieth Century Tort Theory. Vanderbilt University Law Scholl. Law & Economics Working Paper Number 02-15. URL: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

Jones M. A. *Textbook on Torts*. Eight Edition. Oxford : Oxford University Press, 2007. 727 p.

Linden A. *Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto : LexisNexis, 2018. 866 p.

MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following *A. I. Enterprises v. Bram* (April 19, 2016) // *Annual Review of Civil Litigation* / ed. by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

Markel D. Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction // *Cornell Law Review*. 2009. Vol. 94. P. 239–340.

Markesinis B. S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Oxford, 2002. 1114 p.

Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // *Journal of Civil Law Studies*. 2013. Vol. 6. P. 760–801.

Sérafín S., Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract (August 6, 2023) // (2024) 3 SCLR (3d) 115. URL: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment (July 18, 2023) // *International Journal of Legal and Social Order*. 2023. Vol. 3. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=4523654>.

Van Boom W. H. Pure Economic Loss — a Comparative Perspective // *Pure Economic Loss* / W. H. van Boom, H. Koziol, C. A. Witting (eds). Wien ; New York : Springer, 2004. URL: <https://ssrn.com/abstract=555809>.

Venchiarrutti A. The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, AXO Sport, SPA v. NOSA // *Journal of European Tort Law*. 2018. Vol. 9. P. 104–122.

Von Bar C., Drobniig U. *The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe*. Munchen : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2004. 574 p.

Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1995. Vol. 15. P. 327–370.

REFERENCES

Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern (February 9, 2016). Available at: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

Baibak VV. New edition of Article 393 of the Civil Code of the Russian Federation: general rules on compensation for losses caused by violation of an obligation. *Zakon*. 2016;8:121-130. (In Russ.).

Bogdanov DE, Bogdanova EE. On the issue of non-compensatory damages in Russian civil law. *Grazhdanskoe pravo [Civil law]*. 2017;2:7-10. (In Russ.).

Bogdanov DE, Bogdanova SG. The problem of multifunctionality of civil liability: Comparative legal aspect]. *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*. 2018;6:32-35. (In Russ.).

Bogdanov DE. Analysis of legal approaches to compensation of net economic losses in foreign law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2012;3(183):82-91. (In Russ.).

Bogdanov DE. Limits of tort liability in Russian and foreign law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2011;7(175):69-78. (In Russ.).

Bogdanov DE. The evolution of civil liability from the perspective of justice: A comparative legal aspect. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms. *Personality rights in European Tort Law*. Edited by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. Pp. 5–37.

Bussani M, Palmer VV. The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

Colby TB. Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs. *Minnesota Law Review*. 2003;87:583–678.

De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective. *European Review of Private Law*. 2017;4:701–726.

Dmitrieva OV. The functional purpose of compensation for moral damage as a form of civil liability. *Zakon [Law]*. 2016;12:89–100. (In Russ.).

Durneva PN, Stankevich GV. Features of contractual and tort liability of public legal entities under the civil law of Russia. *Yuridicheskiy mir [Juridical World]*. 2016;10:23–27. (In Russ.).

Erokhova MA. Competition of requirements under the Civil Code of Russia. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).

Fleischitz EA. Obligations arising from harm and unjustified enrichment. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).

Gilmore G. *The Death of Contract*. Second edition. Ohio: Ohio State University Press; 1995.

Gold AS. A Theory of Redressive Justice (October 7, 2011). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

Goldberg JCP. Twentieth Century Tort Theory. Vanderbilt University Law Scholl. Law & Economics Working Paper Number 02-15. Available at: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

Gutnikov OV. The grounds for development of corporate liability category in civil law. *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. Pravo [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2020;4:4–30. (In Russ.).

Jones MA. *Textbook on Torts*. Eight Edition. Oxford University Press; 2007.

Letuta TV. Compensation for damage caused as a result of defects in goods as in contractual forms of civil law transactions. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2019;7:39–45. (In Russ.).

Linden A. *Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto: LexisNexis, 2018.

MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following A. I. Enterprises v. Bram (April 19, 2016). *Annual Review of Civil Litigation*. Edited by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

Markel D. Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction. *Cornell Law Review*. 2009;94:239–340.

Markesinis BS, Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Oxford; 2002.

Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization. *Journal of Civil Law Studies*. 2013;6:760–801.

Ostroumov NN. The legal regime of international air transportation: A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).

Sérafin S, Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract (August 6, 2023). *Lexis-Nexis Supreme Court Law Review*, Third Series. 2024;3:115. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

Shevchenko AS, Shevchenko GN. Tort obligations in Russian civil law: A study guide. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment (July 18, 2023). *International Journal of Legal and Social Order*. 2023;3 (1). Available at: <https://ssrn.com/abstract=4523654>.

Tololaeva NV. Passive solidarity obligations: The Russian approach and the Continental European tradition. A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

Tololaeva NV. Trends in Russian judicial practice in the context of the European discussion on «real» joint liabilities. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2016;3:80–106. (In Russ.).

Tselovalnikova IYu. Civil liability of participants in corporate relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;11:60–67. (In Russ.).

Van Boom WH. Pure Economic Loss — a Comparative Perspective. In: Van Boom WH, Koziol H, Witting CA, editors. *Pure Economic Loss*. Wien; New York: Springer; 2004. Available at: <https://ssrn.com/abstract=555809/>

Venchiarutti A. The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, AXO Sport, SPA v. NOSA. *Journal of European Tort Law*. 2018;9:104-122.

Vitryansky VV, Em VS, Kozlova NV, et al. Russian civil law: A textbook. In 2 vols. Edited by A. Sukhanov EA. Vol. 2: Law of obligations. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

Von Bar C, Drobniig U. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe. Munchen: Sellier. European Law Publishers GmbH. 2004.

Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1995;15:327-370.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); научный руководитель кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасского государственного университета юстиции

д. 9, Лебединского ул., г. Донецк 283049, Российская Федерация
dobogdanov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Head for Science, Department of Civil Law Disciplines, Donbass State University of Justice, Donetsk, Russian Federation
dobogdanov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 10.04.2024.

Revised 14.10.2024.

Accepted 15.10.2024.